

12 июня 1985 года.

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

МОНОЛОГ
О ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕГригорий
БАКЛАНОВНЕ ЗА СЧЕТ
ДРУГИХ

Иногда мне кажется, что четыре послевоенных десятилетия мелькнули быстрее, чем те бесконечно долгие четыре года Отечественной войны. Они все не идут из памяти, все длятся. Да, никакое другое событие так не потрясло, так не сплотило весь наш народ, как Великая Отечественная!

Я вот думаю: почему мальчики предвоенных, военных поколений взрослых нынешних восемнадцати-двадцатилетних? В самом деле — взрослые? На уцелевших фотографиях такие же молодые лица. Может быть, таково свойство памяти — в памяти они взрослые? Или потому, что суровый ответ времени лег на них и неотделимы они от совершенных ими дел? Но ведь это они совершили. А сделать в короткой своей жизни успели только одно: собою заслонить Родину. У всех у них — особое поле притяжения. Время ничего не приукрасило и не прибавило, оно только высветило то, чего они, как правило, и сами про себя не знали. Истинно преданный человек не думает о своей преданности, истинно добрый — не кичится тем, что добр. Это забота тех, кому нужно себя приукрасить, а доброта всегда не для себя, для других, во всяком случае — не за счет других.

Это были честные, самоотверженные мальчики, рано повзрослевшие душой, с необычайно высоким чувством ответственности. Они словно бы знали свое предназначение и, когда пробил час, пошли защищать Родину. Для них это не было чем-то исключительным или жестом, это было естественным продолжением их жизни. Иначе они не могли.

И все доходят о них вести, уже из небытия, когда, казалось бы, узнать больше ничего невозможно. Сорок лет я не знал, как погиб мой брат Юра Фридман. В первые дни войны он, студент второго курса исторического факультета МГУ, ушел в ополчение, стал командиром орудия 975-го артиллерийского полка 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. Это вообще одна из поразительных страниц Отечественной войны — народное ополчение. Подъем был так силен, что буквально в несколько дней сформировались дивизии московского народного ополчения. Если даже судить по тем, кто потом, пройдя войну, вернулся живым, по этим немногим ярким именам, так ведь там был цвет будущей нашей науки. И не только науки.

Людей не делят на более ценных, менее ценных, люди есть люди. И каждой матери свой сын дорог. Я только хочу этим сказать, что потери наши не измеряются цифрами, они безмерны. После уж, в 42-м году, из нашего полка на Северо-Западном фронте стали отзывать специалистов, помню, сталеваров забирали из батарей. Исход войны решался не только на фронте, а и в тылу. Но в первые дни разве представляли мы, что ждет нас? Кто мог предвидеть, что война продлится четыре года! Потребность разделить историческую судьбу народа, потребность подвига, жертвы была так сильна, что шли и молодые, и старики, и годные, и не годные; правдами и неправдами добивались одного только — попасть на передовую.

Судя по его последним письмам, брат погиб где-то в районе Ельни, и, видимо, в первых числах октября, когда началось наступление немцев на Москву. И вот какое совпадение: 18 января нынешнего года (ему в этот день как раз исполнилось бы шестьдесят четыре, а прожил он на свете двадцать лет) звонит мне из «Известий» И. Преловская и говорит, что журналистка Э. Максимова, собирая материал о студентах-ополченцах, встретила человека, который знал моего брата. Действительно знал. Тоже студент-историк старшего курса. Были они в разных батареях, но из окружения выходили вместе, группа человек тридцать пять. Перешли реку Угру, впереди две деревни, дорога. Нужно было разведать, есть ли там немцы. Вызвались двое: Основат, брат ныне здравствующего писателя, и Юра, брат мой. В этой разведке они погибли.

Голос совести услышать просто: он зовет на те поступки, которые тебе лично никакой выгоды не сулят, ради людей они совершаются, а не ради себя. Но если бы этот голос умолк, человечество давно выродилось бы.

Нам, вернувшимся с войны, дарована была долгая жизнь, по сути дела, — вторая жизнь. Когда из нынешних дней смотреть в прошлое, кажется, жизнь эта быстро мелькнула, а прожить ее день по дню, год за годом — долгая жизнь. Что-то в ней мы, безусловно, обрели. Но что-то, я думаю, и утеряли. Иногда нужно, необходимо проверить себя тем зрением, взглянуть оттуда, из тех дней, когда все начиналось мыслями: «Вот победим, кончится война...» Могли ли мы думать, что через сорок лет после войны каждая мечта, каждое дело будут сопровождаться мыслями: «Вот если не будет войны...» Но это — о глобальном. А и в повседневном есть вещи, которые — встань сегодня

наши товарищи — они бы не простили нам. И в первую очередь не простили бы, что мы забыли их матерей.

Мои родители умерли рано: отец — в сорок, мать — сорока двух лет. Полжизни. Но после войны я впервые подумал: слава богу, что моей матери не пришлось пережить своего сына. Пережить своих детей — страшной этого ничего нет. И нет ничего святее материнского подвига. Чем мы воздали им? Я говорю не об отдельных знаменитых матерях, я говорю о матерях солдатских. А вдовы? Матери и вдовы всю войну на себе вывезли. Разве побеждали бы мы на фронте, если б не их великий бессмертный подвиг в тылу! И вся послевоенная разруха, пока новые поколения еще не подросли, она ведь тоже на них обрушилась. Их трудом страна восстанавливалась, их здоровьем. Солдаты, вернувшиеся с фронта, и матери солдатские, и жены, и вдовы — все они, кому было за них. Сполна ли мы воздали им, чьи кормильцы лежат в земле от границы до Москвы и до Волги и от Волги до Берлина? А это не только им нужно, это необходимо для нравственного здоровья тех поколений, что за эти десятилетия сами стали матерями, отцами, уже дедками становятся. И для их детей это нужно, и для их внуков.

Каждый писатель получает письма. Получаю и я. Какие это бывают поразительные письма! Какие человечные! Какие судьбы в них раскрываются! «Читала и плакала...» Это чаще всего женщины пишут. Но и мужчины, бывает, — тоже!

Я не для того упоминаю сейчас о письмах, чтобы таким деликатным способом, как бы и не говоря, сказать о себе похвальных слово. К сожалению, с некоторых пор это становится и стало чуть ли не нормой: будто в интересах дела, единственно, так сказать, о деле заботясь, предоставляют корреспондентам, да и сами писатели отдают в печать читательские и приятельские письма, где воздается им неумеренная хвала, не будем говорить, всегда ли она искренняя. Дико, просто невозможно представить себе, чтобы Лев Толстой или Чехов опубликовали о себе

хвалу. Общеизвестно, как Чехов, когда ему начинали говорить комплименты, пербивал: скажите, а где вы покупаете селедки? И если посетитель все-таки настаивал, был недогадлива, Чехов самым подробнейшим образом объяснял, у кого лучше покупать селедки, где они самые нежные, самые жирные... Это нормальная человеческая реакция, а вот выслушивание лести, упоение похвалами, дух нескромности — это опасное отклонение от человеческих норм. Или для классиков

Имя в литературе не пробивают, не выслуживают, а заслуживают.

Сейчас забыто и новые поколения не представляют себе, что же такое в свое время — в конце 50-х, в начале 60-х — была так называемая «лейтенантская проза». Это был, в первую очередь, свой взгляд на войну, писали о том, что сами вынесли с полей сражений, правду делали достоинством всех. И книги эти трудно проходили, очень трудно. У меня сохранились рецензии известных ныне критиков и литераторов, которые не то что отвергали эту прозу, они просто изничтожали ее. Разве не велик был тогда соблазн изменить своим убеждениям, пойти на компромисс? Но что-то не позволяло. Без этого «что-то» нет и не бывает литературы.

Время, в которое мы сейчас живем, взыскательно к нравственности, оно требует смелости мысли и достоинства. И я бы сказал молодым: не упустите свое время. Это время надежд, которые могут осуществиться только нашим всеобщим, всенародным усилием.

Русскую классику и лучшие произведения советской литературы всегда отличало внутреннее достоинство. Явлением становились именно те книги, которые отмечены внутренним достоинством — не изменять своим убеждениям, не угодать. Всякий раз, когда писатель уходит от правды, он знает, что совершает подлость, это он знает прекрасно, какие бы слова при этом ни говорил в оправдание. Художник — это не только талант, но и совесть и стойкость. А литература обладает, как известно, великой силой воздействия. Самый остроумный анекдот забудется вскоре, может забыться и умная мысль, но что взято в сердце — остается на долгие годы, иногда на всю жизнь.

Порои слышишь: вот уже сорок лет живем без войны, а все о ней пишем. Да, пишем и, думаю, долго еще будем писать, есть тут о чем рассказать людям. В прошлом году журнал «Октябрь» напечатал повесть К. Колосова «Самоходка номер 120». Человек носил в себе почти четыре десятка лет память, тяжелую память, и с большой силой описал несколько последних дней войны под Берлином, описал их так, будто все это было вчера. Совсем недавно, в апреле, в канун 40-летия Победы, «Октябрь» опубликовал повесть Л. Овчинниковой «Сталинград, улица Карусельная». Автору было двенадцать лет, когда шла Сталинградская битва. Можно поражаться остроте памяти, с которой сегодня переданы подробности жизни в дни самых тяжелых испытаний. Хотя поражаться тут нечему: это не забывается, это болит и требует выхода. И вот Л. Овчинникова рассказала о войне, увиденной глазами девочки, но рассказала о ней с мудростью человека, из памяти которого никогда не уходило то страшное время. Но что не уходило? Не только правда событий, сражений, ужаса. Не уходила правда человеческого благородства, поразительного благородства, которое она увидела тогда. И не случайно Овчинникова пишет: «Память о тех днях останется для меня нравственной опорой».

Останется нравственной опорой. Но если в войну люди могли проявить такую силу духа, то не стыдно ли в мирное время быть малодушными, ведь не смерть угрожает, не гибель близники.

Есть определенная опасность времени, когда люди относительно сыты, одеты, устроены. Это не испытание сытостью, до такого испытания нам еще далеко. Но испытание нравственностью мирным временем происходит ежедневно. Люди покупаются на благополучие, на мелкие блага. И потому, когда литература рассказывает о мещанстве, потребительских настроениях, это не позаз те невых сторон нашей действительности, как считают некоторые критики, а это борьба за нравственное здоровье общества.

Что побудило меня написать «Меньший среди братьев»? Эта повесть возникла не вдруг, она отстоялась лет двенадцать, наверное. А толчком и ней по-

служило несколько историй, несколько судеб незаурядных людей, которым ложные ценности, в общем-то ничтожные по сути, мелкие, виделись более значительными, чем сама жизнь, единожды им дарованная, чем тот талант, который в них есть. Человек, вроде бы нечелстолюбивый, начинает переживать вдруг, что в чем-то и чем-то его обошли, что-то не дали или недодали. И мнению людей, которых он не уважает, почему-то прислушивается и даже ставит эти мнения выше своего собственного, хотя знает, что право именно он и надо идти наперекор сложившимся убеждениям, надо, но он не идет, подчиняется, а ради чего, зачем? Вот из таких мой герой Илья Константинович, по житейским нормам неплохой человек, мягкий, добрый, но он мало-душо предает и самого себя, и брата, и женщину, которую любит... распространное в наши дни явление.

Мы ГОВОРИМ: талант — редкость. Где-то я читал, англичане установили, что гений рождается один на миллион. В конце концов не суть важно, один на миллион или два на миллион, — все мы знаем, что талант действительно редкость, что человек, способный видеть глубже других и по-своему, это всегда чудо. В то же время мы постоянно как о наших достижениях пишем о гигантском количестве названий, которые выпускаются гигантскими тиражами. И это как будто хорошо. Но вот пусть нормальный читатель, не собиратель, а рядовой читатель, мысленно попробует составить библиотеку, которую он хотел бы иметь. Составить не по каталогу, а по памяти, вспомнить авторов или отдельные книги, которые ему хотелось бы перечитать. И, я уверен, окажется, что огромного количества книг вообще не существует, хотя они изданы, заполняют полки библиотек, прочитаны многими. Так, может быть, они хотя бы безвредны, если не думать о погубленных лесах? Да, мол, этот литератор ничего особенного не сделал в литературе... Ничего особенного? А он опустил читателя до своего уровня. Разве этого мало? И размывается грань между искусством, художественной литературой и подделками.

Безликие книги, безликие фильмы тоже воспитывают. Они воспитывают в людях эмоциональную тупость, а люди эмоционально тупые не бывают творцами. Разрушителями, исполнителями бездумными — да. Но не творцами.

Разговор о литературе, о вкусе, о нравственности надо, конечно, начинать со школы, с учителей, в частности с разговора об учителях литературы. Уже многие, многие годы учителями становятся нередко не по призванию, а по баллам: нет, допустим, уверенности, что поступит в университет, и идет в пединститут. Высокое звание учитель в большой степени утрачено потому, что сейчас учитель — это чаще всего преподаватель определенной дисциплины, а не учитель жизни. Но где набрать при массовом всеобщем образовании столько талантливых учителей? Может быть, к урокам литературы в школе надо иногда привлекать писателей. Может быть, еще что-либо искать, не знаю что, но мне ясно одно: искать надо. Нельзя преподавать литературу как скучный обязательный предмет.

Американская писательница Бел Кауфман, чья книга «Вверх по ведущей вниз лестнице» у нас известна, рассказывала мне, будучи в Москве этой зимой, поразивший ее факт. Несколько раз подряд она приходила на уроки литературы в одну из московских школ. Учительница всегда была очень скромно одета. Но однажды она вошла в класс в новом платье, поновому причесанная, необычная, торжественная: «Дети, сегодня мы начинаем Пушкина». Этого урока ее ученики, конечно, не забудут.

Без волнения литературу преподавать нельзя. И нельзя сокращать часы на преподавание литературы, словесности, потому что это уроки гражданственности, уроки нравственности и патриотизма.